

УДК 882-3:882-53

ФОЛЬКЛОРНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛОКУСА-ЦЕНТРА ВО ВНЕШНЕМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. С. Соколова

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

В статье предпринят многоаспектный анализ былинных «древесных» номинант сквозь призму ряда бинарных оппозиций. Проведённое исследование позволило обосновать лингвоэстетическую значимость фольклорной полисемии фитонимов как жанровое средство объективации локуса-центра в содержании былинного концепта «внешнее пространство». В ходе исследовательского комментирования языкового материала показано, что фольклорный вербальный код является убедительным источником этнокультурной информации.

Ключевые слова: этнокультурная информация, концептуализация, фольклорная полисемия, традиция и вариативность.

Введение

Русский фольклорный текст как **объект** нашего исследования является поликодовым в объективации познавательной деятельности человека. Лингвисты в первую очередь работают с письменно зафиксированными фольклорными текстами, которые жанрово «перетекают» один в другой и образуют художественный текстовой массив, обеспечивающий репрезентацию «смысловых сгустков» в структуре базовых концептов. Фольклорная вербализация в качестве транслятора этничности, этнической культуры как наиболее древних и устойчивых форм информационного структурирования мира, считаем, является семантически и функционально весьма ёмкой и глубокой в манифестации концептуальных смыслов в жанровых версиях.

Предметом нашего внимания являются фитонимы (былинные «древесные» номинации), которые еще не подвергались детальному исследованию как вербальные знаки априорных категорий бытия. В спектре фольклорных способов и средств объективации базовых концептов особо выделяется контекстуальная полисемия номинант в качестве компонентов того или иного тематического поля, которая в комплексе выявленных нами приёмов также пока не оказывалась под пристальным наблюдением. В связи с этим **целью** в данной работе является лингво-когнитивный анализ функциональной многозначности «фитонимических» фактов, маркирующих центр той или иной пространственной зоны как значимого локуса в фольклорном ландшафте. Обращение к былинным фитонимам также позволяет высказать корректирующее мнение относительно замечания, что в языке русских былин в сравнении с другими фольклорными жанрами функционирует меньшее количество названий растительного мира: «Ограниченное название растений в былине, возможно, объясняется формулированностью... описаний природы» [1, с. 8]. Напротив, как свидетельствует наша выборка, например, из корпуса былин северного цикла, записанных в XIX в. известными собирателями [2], фитонимы, различные по своему компонентному составу, – важная часть словарного строя былин, которая количественно объёмна и функционально активна: выявлено более 150 употреблений 60 фитонимов на 937 страницах текста.

Комплекс теоретических установок

В языке фольклора, в особенности в эпических жанрах, названия растений – это особое объединение номинаций в аспекте семантики, функционирования, которое никак не находится в абсолютном совпадении «с научной ботанической системати-

кой» и своеобразно как совокупность языковых единиц в своем семантическом потенциале, объективирующих концептуальные признаки внешнего и внутреннего пространства. Наш подход в интерпретации своеобразия функционально-семантической гаммы фитонимических единиц, обусловленного отражением ряда этнокультурных (этноментальных) причин, базируется на ряде положений, которыми мы руководствуемся в своем исследовании.

1. Типы сознания и семантическое содержание языковых единиц как концептуальных экспликаторов. Языческие (мифологические) и христианские мотивы в фольклорном лексиконе. Известно, что собственно славянские мифологические тексты не могли сохраниться. Религиозно-мифологическая целостность язычества была разрушена в период христианизации славян. Возможна лишь реконструкция основных элементов славянской мифологии на базе вторичных, письменных, фольклорных источников. В семантике былинных слов, соотносимых с растительным миром, отразилась такая черта древнего мировосприятия, когда «...все специфически человеческое, все социальное, личностное или духовное для язычества в принципе приравнено к природе и составляет лишь ее магическую эманацию» [3, с. 611].

2. Критерий антропоцентризма фольклорного языка. Какой бы фрагмент фольклорного лексикона мы не изучали в том или ином аспекте, критерий антропоцентризма будет определяющим. Антропоцентрический подход к исследованию функциональной семантики фитонимов в широком смысле обусловлен жанровым содержанием. Былине, говоря словами А. Скафтымова, более всего, чем другим жанрам, свойственна тенденция наибольшего выделения человека как главного героя эпического повествования.

3. Символическая универсалия «мировое дерево». В фольклорных произведениях символ мирового дерева вербально многолик, «многодревесен», обозначенный вариантными номинациями пород деревьев, маркирующими ценностно значимый центр-локус как фрагмент внешнего, открытого пространства. Закреплённость в сознании данной универсалии поддерживается её разножанровыми вербальными реализациями в русском фольклоре, а также моделью фольклорного концепта «пространство», который формируется на основе символа круга и его модификации - сферы со встроенной в неё по вертикальной оси образа мирового дерева. Восприятие дерева как доминанты растительного мира по различным информационным каналам присутствует в этническом сознании народа, вербализовано в общенародном языке и в разножанровом устно-поэтическом творчестве. Древний человек выражал к дереву особое отношение. Х. Керлот, составитель «Словаря символов», пишет: «Человек, осознавая, что биологически он связан с животными, не может не отдавать себе отчёта в том, что по своему вертикальному положению он ближе к кустам, деревьям, даже траве» [4, с. 221]. Эта параметрическая связь древнего человека с миром флоры своеобразно отражена в былинных контекстах.

3.1. Универсальным центром сферической модели мира являлось дерево и его составные элементы: корень, ствол, крона, которые отражают три мира: небо, землю и преисподню [5, с. 159]. В традиции былинных сказителей членение пространства по уровням: верхний (высоко) – средний детерминировано употреблением вариантов родового названия *дерево*, номинаций деревьев по виду, а также кустарников. Нижний уровень дискретен и мотивирован семантикой фитонимов, обозначающих растения, стелющиеся по земле (тематическая группа «травы»), а также обозначен названием подземной части больших растений (*компл*).

4. Синхрония – условно остановленный момент развития языка (В. В. Виноградов). Фольклорные языковые факты, запечатлевшие в своём семантическом содержании элементы прежних типов мировосприятия, находят функциональное продолжение и в современной речи, поскольку язык фольклора как система знаков сформировалась на протяжении многих веков. Толкование содержания языковых единиц определенного среза, объективирующих современное знание человека о реальной действительности, подготовлено также фольклорными фактами разных хронологических пе-

риодов. Наблюдения в диахроническом аспекте над содержанием фрагментов современной языковой картины мира, в которой концептуально отражена информация посредством фольклорного лексикона, позволяет нам пристальней вглядываться в развитие языка, закреплять нашу языковую память и в какой-то степени избавляться от языковой забывчивости.

Методы исследования

1. Мотивация семантического содержания фитонимов как одного из важных средств актуализации концептуальных признаков продиктована систематизацией языкового материала, комплексным анализом его функциональной семантики, выявленным рядом закономерностей в характере употребления фитонимических единиц. Специфика функционально-семантического поведения фитонимов определяется следующим: 1.1) тематическая и контекстная избирательность (привязанность к темам контекста); 1.2) явление полисемии на основе неантропометрических (прямых) и антропометрических (переносных) значениях.

1.1. Варианты былинных текстов, представляющих собой содержательный континуум, позволяют отметить некоторые тенденции в контекстной закреплённости былинных фитонимов. Избирательность в употреблении номинаций определяется темой контекста, содержащего сведения о типе пространства по признаку *terra culta* – *terra inculta*. Например, былинная *terra inculta* – это фрагменты пространства, в пределах которых обязательны определенные виды растений (деревья, кусты, произрастающие в поле, в лесу, в неизведанных землях), являющиеся обозначениями локусов, в зонах которых происходят активные действия человека с целью преодоления препятствий.

1.2. В процедуре наблюдения над семантикой фитонимов мы используем рабочие термины: антропометрическое (непрямое, переносное) – неантропометрическое (прямое) значение, разделяя при этом утверждение В.Н. Телия, что культурно-национальное своеобразие языковой картины мира проявляется, прежде всего, в критерии антропометричности, т.е. в связи денотативной или коннотативной части семантики слов со свойствами, приписываемыми человеку как эталону и языковому символу [6, с. 40]. Неантропометрические (прямые) значения фитонимов обусловлены тем, что в языке фольклора, как и в нефольклорном языке, виды номинаций обозначают конкретные реалии (денотаты) растительного мира, окружающего человека на протяжении всей его жизни. Подчеркнём при этом, что терминологическая оппозиция «сигнификативное – денотативное значение», характерная для определения семантики лексем кодифицированного языка, не всегда прямо выявляется в языке фольклора. Причина этого, по объяснению исследователей, заключается, прежде всего, в особенностях древнего мышления. А. А. Потёбня отмечает, что одна из основных черт мышления людей в прошлом – это мифологичность, отражаемая в поэтичности языка, т.е. в перенесении целого образа из мифа в значение слова [7, с. 303]. Современный лингвист и историк языка М. Маковский по-своему проинтерпретировал эту мысль. Он обратил внимание на то, что мышление в прошлом не могло базироваться на понятии, соотносимым с сигнификативным значением, поскольку ещё не вычленило общих и специфических признаков в объекте и между объектами. Обобщение осуществлялось посредством образов, которые имели неограниченное число эмоциональных и познавательных ассоциаций [8, с. 77]. В связи с этим структура переносного значения слов анализируется с большим трудом как в нефольклорном, так и в фольклорном текстах. В этом плане мы разделяем замечание В. К. Харченко, что определение значения как образного, переносного затруднено тем, что наше восприятие остается достаточно субъективным, чтобы однозначно решить вопрос: произошло ли в слове угасание образа или нет [9, с. 52]. Данное наблюдение, считаем, приложимо и к характеристике переносного значения былинных фитонимов. Наш материал позволяет отметить, что фитонимы в своих прямых значениях (неантропометрических) – это номинации «ботанические», значения которых известны и за пределами фольклорно-

го текста. Но одновременно при реализации ими прямого значения доля антропометрических признаков, по нашему мнению, все-таки присутствует. Так, в былине слово *дерево*, например, является не только номинацией реалии растительного мира, но и ориентиром в восприятии человеком вертикального пространства по признаку «верх – низ». Значениями собственно антропометрическими мы называем те, в которых отразилась (особенно в аксиологическом семантическом компоненте) древняя гармония мира флоры и мира человека, восходящая, по-видимому, к мифу-универсалии «человек – дерево». В антропометрических значениях ряда фитонимов воплотилось отождествление человека с растительным миром, когда человек осознает себя как индивидуальность в свете признаков, свойств, особенностей, присущих миру природы. Специфика нашего материала позволяет говорить о полисемии былинных фитонимов, которая складывается из совокупности неантропометрических (прямых) и антропометрических (непрямых) значений.

Контекстуальное «снятие» семантической конкретизации номинациями видов деревьев в фольклорном тексте, на наш взгляд, является продолжением семантического свойства фитонима в различных славянских языках и диалектах. Н. И. Толстой в работе «Славянская семасиология и лексикология» по этому поводу замечает: «значение слов типа *береза, ольха, мак, полынь* состоят из одной семы, т.е. они имеют неразложимую семему» [10, с. 21], оказываясь в плане фольклорной парадигматики не только в тематических (тема «дерево») связях, но и в синонимических. Причём в былинном языке семантика названий видов деревьев находится не в тождественных, но в отношениях семантической близости. В связи с этим от текста к тексту наблюдается отражение детальности в познании человеком фрагментов внешнего (внутреннего) пространства.

2. Бинарные оппозиции. Концептуальная значимость дифференциации локуса как центра в горизонтальных и вертикальных проекциях внешнего пространства выявляется сквозь призму бинарных оппозиций, компоненты которых цепочечно могут уточняться с учётом содержания окружающего контекста. Фитонимы своей семантикой «отзеркаливают» систему семиотических оппозиций. Поясним концепцию принимаемых наблюдений в данном аспекте.

«Свой-чужой» (*свой, безопасный - чужой, опасный*) – главные корреляты в инструментарии бинарных оппозиций. Именно данная ведущая корреляция (противопоставление своего чужому) позволяет характеризовать суть содержания информации как этноцентричной. Наиболее характерной чертой семантики фольклорных единиц также является отражение контрастности «двоемирия» как особенности древнего мировосприятия и мышления. Воплощение в языке фольклора «раздвоенности» в восприятии мира требовала от сказителя специального отбора языковых средств для текстового воплощения противоположных начал сквозь призму коррелятов «языческий – христианский». Симметрия на противоположениях «мужской – женский» также «диктует» специфику контекстуального семантического объема фитонимов, маркирующих локусы–центры в фольклорном пространстве.

Экспериментальная часть

В текстах русских былин фитонимический пласт номинаций особенно активен и поэтому частотен для обозначения локуса-центра в открытом ландшафтном пространстве, в пределах которых человек предпринимает активные действия как представитель социума. Иначе, фольклорный локус – место, вместилище, «задающее» определённое число жизненных ситуаций, в которых проявляется спектр ролей действующими лицами из «своего» и «чужого» мира. В пределах локуса ожидается поворот событий или они констатируются как важные, существенные.

Особое место в фитонимическом лексиконе занимает слово *дуб*, которое, наряду с употреблением как монологемы, в большинстве случаев функционирует в составе сочетаний, построенных по модели «сущ. + прилаг.» с различной степенью семан-

тической и синтаксической слитности компонентов: в бинарной номинации *сырой дуб*, расширенной определениями: *сырой дуб крековистый*, *сырой дуб колповистый*, *сыр матёрый дуб*, *сыр зелёный дуб*, *толстый сырой дуб*; в свободных сочетаниях *Невин дуб*, *стародревний дуб*. В изучаемом материале лексема *дуб* достаточно частотна при концептуализации параметров сухопутного границ, границ водного пространства. Возможна объективация и временного параметра, а именно: идеи о жизни как непрерывном процессе, переходящем в бессмертие, о возрастном периоде – старости человека и дерева.

Известно, что дуб занимает особое место в русской культурной традиции. Это самое крупное дерево среднерусских широт, царь растительного мира. Дуб занимал особое место в системе языческих представлений, так как «для славянских обрядов годового цикла характерен культ деревьев, прежде всего дуба» [5, с. 169]. В древности лес и дуб осмыслились как нечто цельное. Дуб, или дубень – любое дерево, дерево вообще; дубовое корье и всякая иная кора, например, берёзовая кора; любое растение, даже растение *artemisia abrotanum* – дубЕ-трава – вид полыни. А как производное от слова дуб дубрава означает чернолесье, лиственный дуб [11, с. 498]. Общностью наименования старались показать, что «дуб – нечто целое, что не дробится на части, а представлено общей массой, враждебно, как чужое, непокоренное, которому, между прочим, следует принести жертву» [12, с. 211]. В.В. Колесов также делится исследовательским пожеланием, что «...на семантическом развитии этого слова (дуб – Т. С.) можно было бы показать всю историю славянской культуры».

Локус-центр в сухопутном пространстве. Локус-центр (граница) бливного пространства.

Коррелят «не своё, опасное, чуждое, языческое»

Монолексема *дуб*, бинарная номинация *сырой дуб*, вариантно расширенная признаковыми лексемами *сырой дуб крековистый*, *сырый (-ой) дуб колповистый*, свободное сочетание *Невин дуб* выступают обозначениями фольклорных сакральных мест. Наряду с этим, особо выделим сочетание *берёза (березонька) поклятая*, традиционно обязательное с диалектизмом *поклятая*, которое употребляется в «локусном» значении в блоке с номинацией *сыр дуб* или как отдельное сочетание в вариантном контексте только для обозначения места обитания былинного врага.

Обратимся к примерам. Да у той ли у *берёзы у поклятыя*, / Да у той ли у речки у Смородины / Сидит Соловей-разбойник *во сыром дубу* [2 (I), с. 159]. В данных строках номинация *сыр дуб* в предложно-падежной форме – *во сыром дубу* – актуализирует древнее значение ‘место обитания врага, персонифицированного в образе птицы’. В приведенном контексте лексема *дуб* в сочетании *во сыром дубу*, называя душло, употреблено в смысле ‘углубление в стволе дерева, душло’. См. болг. дупка – дыра, нора, яма, нем. tief – глубокий [13, с. 79]. Лишь со временем слово дуб как общее название дерева стали употреблять в качестве обозначения священного для язычников дерева. Но случилось это довольно поздно, вероятно, когда сложился тематический ряд названий деревьев по виду. Выявленное «локусное» значение реализуется также в примере: ...Как у той *у березоньки поклятай* / Сидит Соловей-разбойник Дихмантьев сын... [2 (I), с. 135]. Данное значение, на наш взгляд, обусловлено тем, что древние связывали дерево берёзу с отрицательными, опасными силами, с душами умерших [5, с. 44]. Определение *поклятая* в значении ‘*свилое, понурое, погнутое дерево*’ [11 (III), с. 242] поддерживает репрезентацию указанного значения. Былинные контексты свидетельствуют о вариативности фитонимов как о функциональном сигнале значимости наблюдаемой «локусной» семантики.

...Сидит Соловей-разбойник Дихмантьев сын / *На семи дубах, в девяти суках*... [2 (II), с. 135]. Алогизмом с позиции нефольклорного языка воспринимается строка об обитании врага одновременно *на семи дубах, в девяти суках*. Но с позиции условной реальности всё логично в фольклорном тексте: сочетание фитонимов (название вида дерева, его части) с числительными своей семантикой акцентируют мас-

штабность опасного места. Мотивом же формирования оценочного содержания, по нашему мнению, могла стать совокупность исходных семантических признаков праславянской формы *dǫbu-s, один из которых осмыслялся в прошлом как негативный, что и нашло своеобразное воплощение в былинном примере [14, с. 238-239].

Значение *'место обитания мифического языческого существа, персонифицированного в образе птицы'* см. в следующих примерах. ...Выскочил Ванька на крут бережок, / Пошел – поскакал о сине море, / По этому по крутому по бережку, / Пришел – прискакал ко сыру дубу / Сидят птицы, дети Могуль – птицы... [2 (II), с. 381]. ...Среди было степи Саратовской / Тут стоял-то сырой дуб крековистый, / Что на том на дубу крековистом / Тут сидела птица вещая / Перелётная – чёрен ворон... [2 (II), с. 267]. ...Тут стоит сырой дуб, / Сырой дуб колповистый, / На дубу сидит чёрный вран / Чёрный вран, птица вещая... [2 (I), с. 449]. Значение, репрезентируемое сочетаниями в двух последних примерах, является контекстным воплощением коррелята из оппозиции «свое, безопасное – чужое, опасное место». Отмеченная семантика подтверждается также присутствием зоонима *чёрный ворон*, обозначающего силы, способные повлиять на судьбу героя.

Свободное сочетание *Невин дуб* также объективирует «пространственное» значение *'место обитания птицы, обладающей способностью предвидеть судьбу'*: ...Как на тот на славный на Невин дуб / Прилетает голубь со голубкою, / Еще начал голубок погуркивать... [2 (II), с. 103].

«Локусное» значение *'место для волшебных превращений человека в птицу'* реализовано в контексте: ...Тут вышел Ванька с сыра дуба, / Обернулся Ванька горно-сталем... [2 (II), с. 381]. Объясним причину традиционного употребления именно лексемы *сырой* со словом *дуб*. В языковом прошлом слово *сырой* имело значение *'свежий, зелёный'*. Свежесть, вечная зелень – обязательные атрибуты культовых деревьев, в ряду которых особое место занимает дуб как долгожитель в мире растений. Он воплощал сакральную идею о жизни как о непрерывном процессе, переходящем в бессмертие, которую в былине частично своим содержанием репрезентирует бинарная номинация *сырой дуб*.

Коррелят «не свой, чужой, не христианский»

В контексте: ...Ещё привязали Ивашку его ко сыру дубу, / Ещё как хочет его поганый царь застрелити... [2 (II), с. 381] - актуализируется значение *'место для наказания возле дуба'*. Семантический объем былинного фитонима *сырой дуб* выстраивается на спектре коррелятов из семиотической оппозиции «языческий - христианский», а также коррелята «не свой, чужой», контекстуально уточнённый как *'не христианский'*. С позиции религиозного сознания именно деревья воспринимались природными жертвенниками, которые использовали славяне в языческом ритуале. Данную предназначённость дерева отмечает в своих работах историк С. Соловьёв и поясняет, что «наша природа скупа на возвышенности и камни, зато щедра на естественные капища (шатры, навесы) – многоветвистые деревья: под ними преимущественно совершались религиозные обряды» [15, с. 30]. Постепенно языческая традиция жертвоприношения стала осмысляться как чужая с позиции христианства. Дерево стало местом физического наказания человека. Стоит заметить, что в контекстах с «локусными» фитонимами не всегда присутствуют номинации «ландшафтных» пространств – *чисто поле, дремучий лес* и под.: они как за-текстовая данность осознаются пропозиционально.

Коррелят «своё, не чужое (не чуждое)»

Посредством фитонимов – обозначений растений по виду, так и по роду (*дерево*) – объективируется локусный центр как часть своего, безопасного для воина-мужчины пространства. Заметим, что коррелят «свой» в бинарной оппозиции «(место) своё – не своё, чужое (или: чуждое, т. е. чудесное, языческое)», взаимно поддержанный контекстуальной семантикой фитонимов, цепочечно развивается по ряду признаков: «своё (место) – освоенное, безопасное, мужское». В пределах безопасного места присутствуют условия для адаптации в нём с определёнными модусными установками: 1) испы-

тать физическую силу, меткость, зоркость при масштабной удалённости от дерева; 2) наблюдать за местностью; 3) защитить себя, чтобы не оказаться во власти чуждых, неземных сил.

1). ...Двадцать сильных могучих богатырей / Стали они стреляти по сыру дубу за целу версту [2 (I), с. 133]. ...Направлял он калёну стрелу наперёд жалом, / И бросал он стрелу наперёд жалом / За три версты пятисотные / И попал в сырой дуб крековистый [2 (I), с. 83]. ...Как повыехал Добрыня во сторонку / И ударил палицей стародревний дуб / Как все тут на куски разлетелся / И узнает, что силушки постарому [2 (II), с. 57-58]. В контекстах сочетания *сыр дуб*, *сырой дуб крековистый*, *сырой дуб стародревний* одновременно предстают обозначениями важного в прошлом культового объекта – атрибута испытания силы воина и условного пространства мужчины. Былинные сказители особо выделяют мужчину из числа фольклорных персонажей. Он мастер своего дела, способен вступать в контакт с чужой, враждебной силой для испытания своих воинских возможностей.

2). ...Устоял только один сыр матёрый дуб / На дубу на том сидел не сизой орел, / Не сизой орел – удалый добрый молодец [2 (II), с. 159]. В развернутом сочетании *сыр матёрый дуб* слово *матёрый* является семантическим диахроническим фактом, «когда слова *старый* и *матёрый* находились в отношении градуально синонимии и отражали в своей семантике последовательность степени возрастного признака, который в жизни древних славян определялся как старость и мастерство» [16, с. 103]. В доказательство традиционности, не случайности употребления «возрастного» прилагательного в сочетании *сыр матёрый дуб* существенно привести утверждение А. А. Потебни, что «слово, обозначающее старость человека, своим соседством со словами для дерева указывает на миф о происхождении людей из деревьев, по-своему связывает человека и природу» [7, с. 447].

3). Старый казак да Илья Муромец / Сам выстал в толстый сырой дуб (дупло) / От Святогора богатыря... [2 (II), с. 82]. Развернутое сочетание *толстый сырой дуб* номинирует безопасное место, где находит защиту богатырь-человек от неземных сил исполина Святогора, дивного, чудного своей физической силой.

Компонентная развёрнутость номинаций, обозначающих «портретные черты» дерева, создаётся за счёт введения ключевых слов, своей семантикой детализирующих спектр хронотопных и ряда других признаков: *колтовистый* в значении ‘*кривой, изогнутый, наклоненный*’ [11 (II), с. 193] – изогнутость, отсутствие прямого начала; *кряковистый* в значении ‘*кряжистый, здоровый, крепкий*’ – ‘*впечатляющие физические данные*’; *матёрый* – ‘*возрастной период (эго-время) в жизни человека и дерева в старости*’. Присутствие дополнительных ключевых слов является свидетельством значимости фольклорного текстового словаря, выстраиваемого по признаковому типу. Причина (казуальность) признакового свойства словаря фольклорного текста многопланова: когнитивная – углубление в познание явлений действительности; функционально-семантическая, стилистическая причина как производная от когнитивной – включение не случайных, но концептуально и сюжетно необходимых для слагателей номинаций.

Коррелят «не своё, опасное, чуждое, т.е. чудесное»

Данный коррелят определяет структуру значения ‘*место появления судна из нижнего пространственного яруса как вполне допустимая реальность*’ в контекстах:

1) ...С под того ли то дуба, дуба сырого, / Плыло выплывало три корабля, / Три корабля, да три чёрные... [2 (II), с. 381]. Ср. с блоком фитонимов в аналогичном примере: 2) ...Из-под той ли было берёзы кудреватая, / Из-под того ли то вяза, вяза чёрного / Плыло-выплывало три корабля, / Три корабля, да три чёрные [2 (I), с. 135], в котором сочетание *берёза кудреватая* в блоке с фитонимом *чёрный вяз* выступают как элементы текстового словаря, обозначая чуждый, опасный мир. Концептуализация пространственных признаков нижнего яруса, не безопасного для персонажа, осу-

ществляется косвенной формой номинаций: 1) *с по...дуба...сырого*; 2) *из-под...берёзы кудреватая*; *из-под...вяза, вяза чёрного*. По-видимому, в примере 1) не исключено толкование фитонима *сырой дуб* как любого дерева, представлявшего часть неизведанного пространства леса, к которому в далеком прошлом у русского человека было отношение недружелюбное. В. О. Ключевский по этому поводу отмечает: «Он (древнерусский человек – Т. С.) никогда не любил леса. Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его враждебную сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее, ежеминутное ожидание неожиданной, непредвиденной опасности напрягало нервы, будоражило воображение» [17, с. 72].

Руководствуясь в рамках традиции принципом вариативности, коллективный автор-народ демонстрирует детальность в познании локусного фрагмента пространства. Детальность оправдана древними образными ассоциациями, связанными с реалиями растительного мира, на основе которых впоследствии формировались представления-понятия о том или ином виде растений. Варьирование названий видов деревьев в пределах приведённых контекстов: 1) *с под...дуба...сырого*; 2) *из-под...берёзы кудреватая*; *из-под...вяза, вяза чёрного*, в которых обозначается место, где происходят чудные (дивные), чуждые с позиции нефольклорного языка события (появление корабля из-под деревьев), свидетельствует о постоянном контекстуальном «обнажении» значимости локуса-центра.

Заключение

Исследование фольклорных фактов, соотносимых с миром флоры, с учётом содержания бинарных оппозиций в антропоцентрическом ракурсе позволило выявить их концептуальные возможности при объективации признаков внешнего пространства, в частности локуса-центра. Приведенные рассуждения, на наш взгляд, доказывают, что фитонимы – важный по своему семантическому потенциалу лексический былинный пласт в концептуализации параметров внешнего пространства и поэтому заслуживают специального изучения. Таким образом, в былинах семантика и функционирование монолексемы *дуб* и сочетаний с данным фитонимом имеет свою специфику. Контекстуальная полисемия рассмотренных номинаций предстает своеобразным приемом концептуализации локуса-центра – былинного места для активной адаптации человека во внешнем пространстве. Быть деятельным, активным, предприимчивым в жанрово предназначенном месте – это многовариативное отражение установки, константной в этническом сознании человека, которая поэтически воплощена в русских фольклорных текстах – в литературе старшей поры, не утратившей лингвостетической ценности и в наши дни.

Список литературы

1. Климас И. С. Жанровое своеобразие русской устно-поэтической речи (на материале лексико-тематической группы «Растительный мир»). - Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1986.
2. Источник. Былины: В П Т. – М., 1958 (в ссылках цифра в круглых скобках обозначает номер тома).
3. Аверинцев С. Язычество //Философская энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия, 1980.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов. - М.: REFL - book, 1994.
5. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. - М.: Эллис Лак, 1995. – 412 с.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986.
7. Потебня А. А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989.
8. Маковский М. М. Язык - миф - культура: Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1.
9. Харченко В. К. Образное в семантике слова // Русский язык в школе. – 1984. – № 6.
10. Толстой Н. И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. – М.: Язык русской культуры, 1997.

11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В IV Т. – М.: Терра. – 1995 (в ссылках цифра в круглых скобках обозначает номер тома).
12. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси: – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 311 с.
13. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.
14. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959.
15. Соловьев С. М. Об истории Древней Руси. – М.: Просвещение, 1993.
16. Соколова Т. С. Очерки по русской лингвофольклористике. – Белгород: Белгородск. гос. ун-т, 2002. – 188 с.
17. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. I. – СПб., 1918.

FOLKLORE CONCEPTUALIZATION OF LOCUS CENTRE IN THE OUTER SPACE

T. S. Sokolova

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

The subject of research is the phytonyms from the Russian epic tales. The analysis of semantics of folklore phytonyms is based on the number of linguistics methods. In this article we show that folklore polisemy is a genre means of objectification of locus centre in the contents of the epic tale concept "outer space". It allows us to illustrate that folklore verbal code is a reliable source of the ethnocultural information.

Key words: ethnocultural information, conceptualization, folklore polisemy, tradition and variation.